



До недавнего времени ее окружала паутина сплетен и слухов. Сначала она была 11-летним мальчиком, затем девушкой-наркоманкой, которая работала в администрации президента, после она родила дочь, наконец, она умерла... Это все о Линде. Теперь эта интрига отошла на второй план. Оказалось, что Линда – не только фигурант страшных сказок, но и одна из лучших и ни на кого не похожих певиц. Но про нее по-прежнему говорили: «Из этой девушки слова не вытянешь. Как ни старайся – о себе все равно ничего не расскажет».

что ты беззастенчиво подражаешь американской рок-звезде с кладбищенской внешностью.

– Да это и не Мэнсон вовсе придумал такой имидж. Таких мэнсонов на дискотеках – миллионы. Это все существует много лет. Для меня это был просто очередной музыкальный шаг, имитация того мира, в котором мы живем. О Мэнсоне напоминают только красные волосы.

– В последнее время твои песни стали более агрессивными. Это коммерческая задумка или состояние души?

– Это реакция на мир, в котором очень много отрицательного. Хочется, чтобы этого было меньше, но зла ста-

Алексей
МИХЕЕНКОВ

ЛИНДА:

Я – ЭТО ПЯТНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК»

– Я знаю, что ты в больших количествах поглощаешь помидоры. В чем причина?

– Да ни в чем, собственно. Это с детства. Я выросла на томатах. Кентау, где я родилась, был помидорный городок. С тех пор это мой рацион. А вообще я вегетарианка – люблю овощи, грибы, мясо не ем.

– Вокруг твоего имени очень много баек. Скажи, чего можно ждать от Линды в ближайшее время, чему есть смысл верить?

– Есть планы наконец-то дать первый сольный концерт в Москве. Скорее всего он состоится в конце февраля – числа 25-го. Концертов в Москве не было во многом из-за финансовых соображений. Нам нужно, чтобы все замыслы могли достойно воплотиться не только в музыку, но и в декорациях и на сцене. Где это можно было реализовать, там и происходили концерты: на Украине, в Прибалтике, в Петербурге. Надеюсь, очередь все-таки дойдет и до столицы. Еще хочется выпустить альбом с абсолютно новыми песнями. Ну и гастроль – график расписан на всю весну. Сейчас идет съемка музыкального фильма обо мне и тех, с кем я работаю. Там есть сюжет, есть вымысел, есть специально написанная музыка. К немцам вот скоро поедem...

– Куда-куда?!

– К немцам, нас пригласили в Якутию. Будем жить среди снега, писать музыку. Это безумно интересно. Мы ведь уже прожили полтора месяца на Шри-Ланке. Там густые леса, люди живут в каком-то дотопопном, но очень интересном мире. Остров окружает океан, и эта вода, природа для меня стали ощущением на всю жизнь. Там мне подарили дельфина на Восьмое марта. Мы его потом выпустили на свободу. Там царит красивый, особенный ритуал – с дикими плясками, барабанами, кострами, заклинаниями духов. Думаю, то же самое будет и у немцев. С той лишь разницей, что там олени, собаки, курты и холодно очень.

– В Москве, значит, скучно?

– Москва – особый мир, здесь все решается, все обретает законченный вид. Здесь у нас есть возможность работать, и я очень благодарна небу за это – у нас есть возможность выражать в музыке то, что мы видели, видим, чувствуем и думаем.

– А «мы» – это кто?

– Все видят Линду, но я говорю «мы», потому что за моей музыкой стоит очень много людей, которые вкладывают в это весь свой талант. Нас пятнадцать человек, все свободные и индивидуальные люди. И кто пишет, кто сочиняет, кто поет – не главное.

– Злые языки говорят, что Линда – лишь воплощение таланта продюсера Макса Фадеева. Он и жнец, и на дуде игрец, а ты – лишь голос. Да ты и сама где-то говорила, что ты лишь искорка, а Макс – пламя...

– Это неправда. Меня просто переврали. Искорка – каждый человек, а вместе все мы – пламя. Весь наш коллектив – единый организм. И если кого-то вырвать из него – история закончится. Мы все личности, у каждого есть свобода. Именно поэтому существует наша музыка – искренняя, которая зависит от всех нас.

– Что для тебя музыка?

– Это воздух, которым я дышу. Способ жизни. Есть страсти, увлечения – но это настроение. А музыка – навсегда. Мне лично нравятся разные исполнители и с точки зрения музыки, и с точки зрения индивидуальности. Это и Питер Дэбриэл, и Бьорк, и Шинед О'Коннор.

– А зачем ты в клипе использовала этот некрофильский имидж Мэрилин Мэнсона? Все сразу заговорили,

новится все больше и больше. Пока это еще не так заметно, но совсем скоро многие доселе скрытые от глаз большинства проблемы жестоко заявят о себе. Но пока я в основном о добре. Раньше добро было в порядке вещей, а сейчас, когда нас окружает так много зависти и злости, говорить о добре необходимо.

– Ты суеверная девушка?

– Наверное, да. Черных кошек, правда, не боюсь. Но мелочь стараюсь не ронять, левой рукой ничего не передаю. Я вообще думаю, что в наше время без примет нельзя.

– Тебе нравится твое отражение в зеркале, твоя внешность – странная, не от мира сего?

– Я очень самокритичный человек. Всегда хочется все переделать. Мы сотрудничаем с разными визажистами, стилистами. Сейчас со мной работает Лена Тюкова – она настоящий художник, мне нравится то, что она делает.

– Чем, кроме музыки, ты еще можешь себя побаловать?

– Ну, вином. Я очень люблю гранатовое вино, да и другие – красные, белые, только настоящие. Мы как-то ездили с гастрольями в Грузию и в Армению, и там нас настолько хорошо принимали, что с той поры вино, конечно в небольших количествах, для меня стало частью души, памятью о тех людях.

– А у тебя есть единственный человек, которому нужна только ты?

– Такой человек есть. Он художник. Мы вместе с одиннадцати лет, играли еще детьми. Потом надолго расстались и вот сейчас снова рядом. Не могу сказать, что у нас полное взаимопонимание, но смотрим мы в одном направлении. Он, кстати, тоже участвует в создании нашей музыки.

– Ты веришь, что твое будущее предопределено?

– Думаю, да. У человека есть разум, сердце, интуиция. И если умеешь к ним прислушиваться, значит, идешь своей дорогой. Я, во всяком случае, иду своей.

